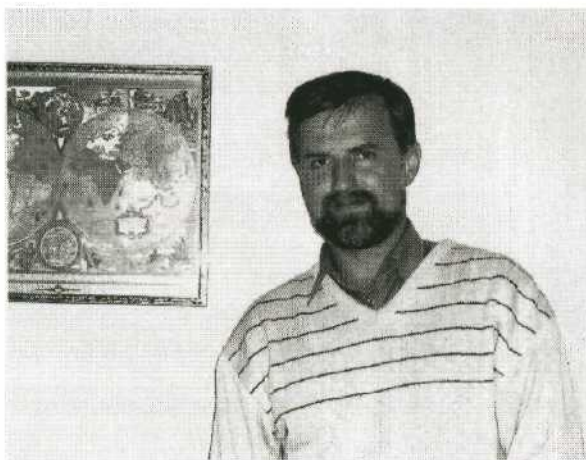

«Философия — не культура стыда, но культура совести»

Беседа с Р.В. Светловым

Роман Викторович Светлов — известный российский философ и переводчик, автор ряда книг по философии и истории, редактор многих книжных серий, директор издательства Санкт-Петербургского университета. Беседа состоялась 16 ноября 2007 г. в издательстве СПбГУ.

Наши коллеги, повывавшие на конгрессе «Диалог цивилизаций», рассказывают чрезвычайно интересные вещи. Например, о выступлении Валлерстайна, в котором было сказано о том, что на смену глобализации идёт постглобализация.

На Родосе как раз и нужно заниматься проблемой диалога цивилизаций.

Говорят, что от Колосса не осталось и следа...

Конечно, не осталось. Вскоре после того, как он рухнул, его сдали в металлолом, ведь бронза — по тем временам очень дорогой металл. Основные памятники в городе Родос относятся к эпохе Средневековья. Постройки ордена Иоаннитов, будущего Мальтийского ордена. А по острову разбросаны руины древнегреческих построек.

Надеюсь увидеть это своими глазами. Но давайте обратимся к нашим вопросам. Вы возглавляете одно из самых влиятельных в российском научном сообществе издательств. В связи с этим начать хотелось бы с разговора о нём. Интересует меня, конечно, ситуация с изданием философской литературы. Сколько книг в год Вы выпускаете, и что это за книги? Какой процент составляют отечественные монографии, какой — переводные тексты, какая тематика преобладает и т.п.

Полной информации по стране у меня нет, однако могу сказать, что уже в 1990-х гг. философская литература составляла значительную долю в издаваемой гуманитарной литературе, и сегодня эта доля не уменьшилась. Правда, это связано с некоторыми обстоятельствами, не имеющими непосредственного отношения к рынку. Во-первых, появляется много монографий, публикуемых к защите докторских дис-

сертаций, которые мы как университетское издательство обязаны издавать. Во-вторых, сохраняется грантовая поддержка философских изданий. В начале 2000-х годов книжный рынок был перегрет французскими, немецкими, американскими программами поддержки. Номенклатура остаётся такой же большой, но сегодня уменьшились тиражи. Поэтому далеко не всё можно найти в магазинах, особенно на периферии.

Поскольку сам я по специальности философ, в нашем издательстве философская литература объективно занимает важное место в издательских планах. Сюда относятся самые разные книги — и монографии под докторские диссертации, и сборники всевозможных конференций, и коммерческие издания. Кстати, многие монографии под докторские оказываются если не прибыльными, то самоокупаемыми. Всего в год у нас выходит более пятисот книг, не менее пятнадцати процентов из них составляют философские работы. Среди них распределение следующее: 60-70 % — отечественные авторы, 30-40 % — переводная литература. Не знаю, можно ли назвать переводом выходящее у нас переиздание классического четырёхтомника Платона. Переводы здесь старые, мы только подчистили некоторые корректорские погрешности, а вместо латиницы дан нормальный греческий текст.

Комментарий Лосева сохранён?

Да, конечно. Это соответствует договорённости с его наследниками. Сейчас больше всего переводят античных и средневековых авторов, которые по-прежнему пользуются спросом. Например, мы выпустили том сочинений императора Юлиана Отступника, который вызывает большой интерес у читателей. Скоро выйдут философские сочинения Плутарха, доселе не переводившиеся на русский язык. В этом издании будет по крайней мере пара трактатов, которые, несомненно, привлекут внимание интеллигенции. Мы привыкли воспринимать Плутарха как историка и моралиста, теперь же он открывается с неожиданной стороны. Кроме того, сейчас мы работаем над переводом Дунса Скота — эта книга также наверняка будет востребована. С другой стороны, это переводы современных авторов — немецких, английских, французских.

Какая тематика здесь преобладает?

Самая разная. От академической философии до постмодерна. Например, книга Кристиана Вульфа по немецкой антропологии. Скоро выйдет книга Флюссера по философии фотографии. Много книг французских авторов — как сборников, так и монографий. То, что происходит сейчас во Франции, трудно назвать постмодернизмом в чистом виде. Скорее, стоит просто говорить о социально-философской мысли. В течение зимы мы издадим работы немецкого неогегельянца Брэдли. В общем, я не могу сказать, что мы ориентируемся, например, на аналитическую или, наоборот, на академическую философию. Мы стараемся представить как можно более широкий круг западной литературы.

А что преобладает среди отечественных монографий?

Здесь опять-таки тематика самая широкая, поэтому сказать, о чём преимущественно пишут наши авторы, невозможно.

Мне кажется, у нас наметилась тенденция к осмыслению современной ситуации в России. В 1990-е годы все увлеклись Западом, рефлексировали по поводу постструктурализма, писали исследования. Хотя сегодня почему-то оказалось, что та-

ковых очень мало: статей написали много, а монографий раз-два и обчёлся. Сегодня же вновь стали тяготеть к осмыслению роли России в мировом процессе, происходящего в самой России и т.п.

Совершенно верно.

В книгоиздании это как-то отражается?

Конечно. Появляется всё больше литературы такого рода.

То есть исследования по современной западной философии, которыми занимаемся мы, уже немодны?

Это не то чтобы модно или немодно, это необходимо. Постструктурализм и постмодернизм — это темы, которые перестали быть модными, но зато вошли в образовательный канон. Ни Хайдеггер, ни Гуссерль уже не воспринимаются как гребень волны, но по их текстам учатся философии. То же касается и французской постструктуралистской и постмодернистской литературы.

Как всё это расходуется? Ваше издательство работает себе в убыток или всё-таки получает какую-то прибыль?

Существовать сложно, но, если бы мы работали в убыток, мы бы вообще не существовали. Мы — небюджетная организация и, если не считать достаточно скромных заказов от Университета, всё зарабатываем сами. Но расходятся книги с трудом. Во-первых, современный человек постепенно отучается читать. Во-вторых очень мешает не столько издание литературы на электронных или звуковых носителях, сколько тот беспредел, который царит в Интернете. Я говорю прежде всего о нашем, отечественном Интернете, в западном такого нет. В третьих, книготорговые организации, ориентированные на быстрое получение прибыли, больше заинтересованы в книгах Марининой или Стогова. Поэтому они не хотят браться за книги, которые представляются им более «сложными» в отношении продаж, хотя эти последние также представляют собой коммерчески беспроигрышный вариант. В общем, донести книгу до читателя тяжело. В совокупности эти причины привели к тому, что по сравнению с 1990-ми годами сейчас тиражи философской литературы упали на порядок. Ценообразование и экономика изменились, и это также уменьшает доступность книг по философии.

Я слышал, что в Санкт-Петербурге сокращается количество книжных магазинов, торгующих серьёзной литературой. Например, закрылась отличная книжная лавка на ул. Рубинштейна, куда я всегда ходил...

К сожалению, это так. Переформируется и книжный магазин на Первой линии Васильевского острова — теперь он станет гламурным. Наши университетские магазины сидят в круговой обороне.

Год назад в Петербурге проводилась акция «Время читать», направленная на популяризацию акта чтения. Кратковременная мода на чтение беллетристики, действительно, имела место.

Да, это так.

Возможен ли такой же ход в отношении философской литературы?

Одноразовая акция здесь ничего не даст. Необходима серьёзная политика, поддерживаемая властными структурами, которая показала бы людям, что мудрая литература помогает жить, делает тебя не богаче, но счастливее. Но я не думаю, что сегодня это вообще возможно. В определённых слоях интеллектуального общества слово «философия» по понятным причинам до сих пор вызывает крапивницу, а молодые люди просто не понимают, что такое философия. К сожалению, благодаря 1990-м годам в нашей стране выросло крайне прагматичное поколение; на клеточном уровне до сих пор сохраняется память о необходимости выжить во что бы то ни стало.

В провинции 90-е годы по сию пору не кончились. Но давайте обратимся к вашей деятельности на поприще философии. К сожалению, я знаю не все Ваши работы, но, тем не менее, у меня складывается впечатление, будто Вы в последнее время отошли от философии к истории. Я имею ввиду, например, Вашу великолепную книгу о Пирре. Верно ли моё впечатление?

Первоначально я поступал на кафедру античной истории к Эдуарду Давыдовичу Фролову. Не поступил. У меня оставался год до армии — я рано закончил школу — и за этот год я поразмыслил и решил пойти на философский факультет. Поэтому в моём интересе к истории нет ничего удивительного. Меня с детства интересовала военная история. Вскоре должна выйти книга, которая пока носит рабочее название «Античные битвы». Это исследование четырнадцати битв античности с точки зрения стратегии Древней Греции и Рима. Кроме меня, над ней работают ещё два автора.

Я не могу сказать, что я отошёл от философии, просто занятия философией требуют некоторой паузы перед следующим шагом. Я планирую написать книгу по раннему неоплатонизму, но для того, чтобы это сделать, мне нужно определённое время для осмысления. Сейчас я с одним молодым коллегой, Олегом Кулиевым, работаю над переводом комментария Оригена к Евангелию от Иоанна. Это самый главный трактат Оригена, и на русском языке он появится впервые. Думаю, года через два мы подготовим большую академическую публикацию.

Замечательно. У нас известна только его книга «О началах».

Именно. Одну из книг этого тракта мы уже опубликовали в качестве препринта. Сейчас мы собираем отзывы, идёт обсуждение.

Вы возглавляете Санкт-Петербургское Платоновское Общество. Расскажите, пожалуйста, что это за предприятие и как оно функционирует?

Это самое первое из российских философских обществ, занимающихся каким либо конкретным вопросом, оно образовано в 1992 году. Таким образом, нам уже пятнадцать лет. В момент основания это была группа студентов-старшекурсников и молодых преподавателей, которым захотелось поговорить о Платоне. Сегодня мы являемся частью Международного Платоновского Общества и ежегодно проводим конференции (они проходят в июне). Последняя конференция была посвящена проблеме толерантности в античном мире и, в частности, в платоновской философии. Люди съезжаются отовсюду — из Москвы, из Сыктывкара, из Украины, из Новосибирска и из-за рубежа. По итогам конференций мы публикуем сборники, а раз в год у нас выходит альманах «Академия». Наша задача заключается не в том, чтобы превратить платонизм в массовое движение, а всех людей сделать платониками, и даже то,

что нас интересует Платон, ещё не означает, что все мы как философы являемся платониками. Платон для нас — философско-созидающая фигура номер один.

Как известно, все философы бывают платониками в какой-то момент своей жизни...

Совершенно верно. У нас сложился круг единомышленников, приходят молодые люди, которым мы что-то рассказываем. Работа по переводу античных текстов, которая ведётся в Петербурге и в Новосибирске, связана именно с деятельностью нашего общества.

Вы переводили и редактировали ряд переводов античных авторов. В чём актуальность этих текстов сегодня? Быть может, вопрос сформулирован не вполне корректно: от философии нельзя требовать злободневности. И тем не менее, интересны ли античные тексты лишь с точки зрения истории философии, или есть что-то ещё, что привлекает Вас в этой области?

А что такое вообще история философии? Это ведь не архивная наука, хотя интерес архивариуса также нельзя исключать, это не только образовательная дисциплина. Общаясь с автором, мы видим личный экзистенциальный опыт, попытку решения пограничных метафизических вопросов. Это то же самое, что слушать музыку великих композиторов — Баха, Бетховена. И композиторы, и философы откровенны, неоткровенных философов историко-философская традиция не запоминает. История выполняет функцию цензора. В философии можно найти такую степень откровенности, которой (за исключением сферы религии и некоторых литературных произведений) нигде больше не найдёшь. Я полностью согласен с Пьером Адо: философия есть духовное упражнение. Чтение философских текстов — такое же духовное упражнение. Поэтому хороших философов не может быть много.

Сам я всегда был адептом той идеи, что философия — это история философии. Никакой другой философии просто нет. Своё знакомство с Вашими трудами я начал с книги «Гнозис и экзегетика». Сам же я от изучения гностицизма обратился к современной французской философии, и нахожу значительное сходство между гностиками и постструктуралистами. Что скажете Вы по этому поводу?

О гностицизме можно говорить и в широком смысле этого слова, и в узком, подразумевая античный гностицизм. При сравнении гностиков (даже в самом широком смысле слова) с рядом современных мыслителей я не был бы столь категоричен. В современной культуре, безусловно, можно найти аналоги гностического мировоззрения. К философии это относится в меньшей степени. Извините, что отвечаю вопросом на вопрос, но в чём вы видите близость современной французской философии к гностицизму?

Я бы, пожалуй, сослался на некоторое общее мироощущение: удалённость от Божества, небожественность мира, его хаотичность, и в то же время его пронизанность эманациями, хотя эта последняя — не специфически гностическая, но, скорее общая для всего неоплатонизма концепция. Если же говорить конкретнее, то концепты гностического характера зачастую можно обнаружить у Бодрийяра, у Лакана, у Деррида. Да и сами они нередко ссылаются на гностиков.

Пожалуй, всё это так, но не хватает некоторых специфических для гностицизма моментов. Например, концепции божественности духовной части человека — причём у гностиков речь идёт о божественности в прямом смысле слова. На мой взгляд, повторяется не философский виток развития, но, скорее, культурные черты нынешней эпохи очень напоминают эпоху поздней античности. И, как в поздней античности были и гностики, и неоплатоники, и христиане различных уклонов, и митраисты, так и сейчас есть целый ряд явлений, в которых всё это воспроизводится. На уровне массовой культуры это одно, на уровне философской — другое. В общем, повторяются некоторые общие типические черты.

Конечно, все не могут быть гностиками. Рядом с гностиками должны жить митраисты, христиане и прочие. Но какой аналог можно найти упомянутому вами учению о пневме?

Говорить об аналогах я поостерегусь, поскольку сегодня человек, объявляющий себя Богом, либо возглавляет секту, либо же содержится в психиатрической лечебнице.

Увы, время ересиархов прошло.

Да. В те времена с этим было проще, хотя на такого рода людей власти тоже смотрели косо. Например, Плотин не был гностиком в узком смысле слова, но, несомненно, являлся гностиком в смысле широком, считал, что пришёл в мир со своей миссией, принёс учение, и за этим, конечно же, стоит ощущение абсолютной божественности, «скрытой во мне». В настоящее время в философской среде едва ли можно найти аналоги. Но в массовой культуре — литературе, кинематографе — этого сколько угодно. Мироощущение гностиков стало достоянием массовой культуры. Пишется огромное количество книг, которые начинаются с того, что главный герой узнаёт, что он — мессия. Читателю это льстит.

В связи с этим я хотел бы поговорить о вашей новой книге «Сон Брахмы». Но, может быть, сперва вы немного расскажете о вашей ипостаси литератора? Я знаком с некоторыми вашими ранними текстами — «Легендой о Тевтобургском лесе» и циклом повестей, стоящих рядом с ней.

Как и влечение к истории, мне с детства было присуще стремление к литературному творчеству, к графоманству. В начале 1990-х начали выходить мои первые книги — «Легенда о Тевтобургском лесе», «Прорицатель», «Гильгамеш». Надеюсь, вскоре они будут переизданы. Потом был некоторый перерыв, связанный с философским самоосмыслением. Что же касается «Сна Брахмы»... Прежде всего, не стоит относиться к этой книге серьёзно, потому что это специально написанный игровой текст.

У меня возникло впечатление, что это шутка и, может быть, даже издевательство над читателем.

Несмотря на это, сюжет выстроен от начала до конца. Все наиболее развешенные современные приёмы здесь собраны. А возникла книга из разговора с одним весьма уважаемым издателем, который много говорил мне о «Коде Да Винчи». Я сказал, что на спор напишу не хуже. И написал.

У меня возникли ассоциации, скорее, с Пересом-Реверте.

Да, пожалуй. Дэн Браун мне не нравится ни как писатель, ни как выдумыватель сюжетов. Сюжет «Кода Да Винчи» неоднократно использовался до него. Просто его книга была напечатана в тот момент, когда все захотели это услышать. А Перс-Реверте мне куда более симпатичен как писатель, особенно как исторический писатель, так что ваша ассоциация верна.

«Сон Брахмы» я писал долго. Редактор, который читал книгу, сказал: «Роман Викторович, всё замечательно, вот только герой называется то одним именем, то другим». «Неудивительно, — ответил я, — я писал эти куски с промежутком в три месяца». Хорошо, что хотя бы сюжет не забыл. Сам я доволен этой книжкой. Имеющий уши поймёт, что это развлекательная литература. По форме это детектив, а предметом детективного расследования является вопрос: произошёл уже конец света или ещё нет? Книга рассчитана на то, чтобы человек прочитал её за полтора часа. Если он увидит за всем этим нечто большее, будет славно. До сих пор на эту тему меня спрашивали в основном люди, создающие сайты по конспирологии или по деятельности контрразведки.

Что общего у философии и литературы? Постструктуралисты нередко говорят, что философия и есть литература, вернее, один из её жанров.

Этот тезис, как и все утверждения постструктуралистов, носит провокационный характер. Однако первыми прозаическими произведениями были философские книги. Вспомним Анаксимандра, Анаксимена и других. Да и одними из первых поэтических книг были сочинения Парменида и Эмпедокла. Сказать, что Платон философ, но не сказать, что он литератор, — значил ничего не сказать. То же самое относится к Сенеке. Конечно, имеет место некоторое жанровое разведение, и тем не менее в определённые периоды жанры смыкаются. Например, появляется Паскаль, — кто он, философ или литератор? Или, к примеру, постструктуралисты. На мой взгляд, настоящую литературу и настоящую философию объединяет искренность, абсолютная искренность в том, что ты говоришь. Ты можешь использовать любого рода условности для подачи мысли, для подачи самого себя и своего сердца, но это лишь инструменты. Там, где есть искренность, есть философия и литература. Поэтому, например, невозможно изучение русской философии без Толстого и Достоевского. Точно так же невозможно изучать западную философию без Пруста и Джойса. Русскую литературу нельзя постичь без Розанова, а французскую — без Паскаля, Руссо и Вольтера.

Вы говорите об искренности, тогда как только что говорили об игровом начале своей последней книги. Как это уживается?

Во мне это уживается с лёгкостью. Говоря о своей книге, я не кокетничал. Конечно, в определённой мере это издёвка над жанрами, над литературой, над современными читателями, и это снижает претензию данной книги. И тем не менее, я вписал в этот текст несколько вопросов, которые меня искренне занимают. Так что искренность там есть. Вопрос лишь в том, при помощи каких инструментов донести свою искренность до человека. Это можно сделать в игровой форме, а можно в форме исповеди, как, например, Августин.

Теперь я хотел бы перейти к вопросам более общего характера, традиционным для нашего издания. Впрочем, мы вполне естественно подошли к ним. Прежде всего, что такое философия сегодня?

Во все эпохи философия функционирует в двух модусах (мы оставляем в стороне философию, которая становится идеологией). Во-первых, философия является стержнем образовательной программы, того, что продуцируется из поколения в поколение. Когда образовательную программу пытаются свести к чисто сциентистским элементам, сами сциентисты начинают создавать метатеории. Философия не просто помогает научиться думать, она помогает научиться думать не математически, не химически, не биологически, но экзистенциально. Таким образом, философия даёт экзистенциальную установку на бытие-здесь, на бытие-интеллигентом. Не интеллектуалом, но именно интеллигентом. Благодаря этому философия позволяет выработать критический взгляд, прежде всего на самого себя и на ту систему ценностей, в которой ты пребываешь, но в то же время и на фундированность этой системы ценностей. Поэтому в западных странах, несмотря на историю с Болонским процессом, академическая философия занимает достойное место.

Во-вторых, существует не-академическая философия, философия как образ жизни. Таковой она являлась уже в классическом античном понимании. Поэтому философ не обязательно должен быть профессионалом. И наоборот, профессионал может быть хорошим рупором для передачи философской традиции, но при этом не быть философом. На мой взгляд, императивность тезиса «философия — это образ жизни» со времён Сократа не изменилась ни на йоту. Если философ хочет обратить внимание на себя и на философию как явление, он должен быть таким. И только в этом случае голос философа будет значимым и слышимым. Философ должен говорить не то, что от него хотят слышать, а то, что надо сказать. Не сам он говорит, но *им говорит философия*.

Если же говорить о перспективах, то мне кажется, что уже сейчас происходит эволюция в сторону этической проблематики в самых разных формах — от прикладной этики, этики как прагматики, до этики в некоем более высоком смысле этого слова. Если вновь говорить о параллелях, то можно заметить, что то же самое произошло в античной философии после Аристотеля.

Вы употребили слово «интеллигент». Оно употребляется по отношению к нашим соотечественникам или и к западным философам тоже?

Скорее, к западным.

А бывают ли на Западе интеллигенты? Мне кажется, что это чисто русское понятие, что интеллигенты встречаются только в России, тогда как на Западе живут интеллектуалы.

Этот термин я употребил нерелексивно. Но целый ряд западных учёных, с которыми я общался, я бы с удовольствием назвал интеллигентами. Интеллигенты есть и там.

Что интересного, на Ваш взгляд, происходит сейчас в западной философии? В каком направлении можно ожидать прорыва?

Мне кажется, происходит то, что всегда является предпосылкой нового шага. Я очень условно разделю западную философию на три направления: аналитическая философия, академическая континентальная философия, связанная с немецкой диалектикой и феноменологией, и та новая философия, которую называют постструктурализмом или постмодернизмом. Для 1980-х гг. это были самые весомые, базисные течения. Се-

годня же происходит размывание границ: элементы аналитической философии появляются во французской философии; её отличие от континентальной философии оказалось очень условным. И наоборот: очень много «французов» живут не во Франции.

В Америке и в Германии они стали появляться. В Англии их почему-то не видно.

Англия для них — слишком чопорная страна.

С точки зрения историко-философской топологии события это обещает, что через два-три поколения должна появиться совершенно новая форма философствования. Сегодня это называют эклектикой, но эклектика — это тот котёл, в котором варится философский суп. У него должен появиться новый вкус.

Проект постструктурализма себя не точтобы исчерпал, но, скорее, реализовал...

Реализовал.

Свою историческую миссию постструктуралисты выполнили, так что сегодня её можно считать по большей части завершённой. Но, если мы выйдем на парадигмальный уровень и будем говорить о модерне как о глобальном проекте европейской цивилизации и о постмодерне как о попытке ревизии и деконструкции этого проекта, что можно сказать о них? Исчерпали ли они себя, или для модерна и постмодерна ещё есть место и время?

«Исчерпали» — неподходящее слово. Я бы предпочёл говорить о реализации. Да, эти проекты себя уже реализовали. Реализовали в том виде, который мы находим сейчас. То же самое, к сожалению, можно сказать о европейской цивилизации в той её форме, которую мы знаем. Мы привыкли воспринимать европейскую цивилизацию как буржуазную цивилизацию Европы 50-х, 60-х, 70-х годов. В те времена она была целостной, компактной, ёмкой. Сейчас Европа совершенно другая. Все разговоры о глобализации или, наоборот, о партикуляризации показывают, что базовая система ценностей меняется. Модерн со всеми своими «постами» близится к завершению. Это великолепный период в истории культуры, очень важный и с точки зрения философа внеисторичный и непреходящий. Но с точки зрения социально-исторической он завершается. Что будет потом, порой страшно задуматься. Сегодня ставится точка, после которой начнётся новое предложение. Но всякий шаг отталкивается от какой-то почвы, и эта почва должна быть промыслена.

В общем, мы живём в переходную эпоху. И, хотя всякая эпоха является переходной...

Наша переходнее многих переходных.

Где сегодня географический центр философии?

Я думаю, что он равномерно распределён по старинным центрам философской мысли. Нельзя сказать, что сегодня этот центр расположен не во Франции, однако во Франции тип мышления изменился, сдвинувшись в сторону социально-политической проблематики. Германия всегда остаётся родиной великой философии. Островные цивилизации — Англия и Америка (а также Скандинавия, где также сильны позиции аналитической философии) — также сохраняют свою роль. Нельзя сказать, что где-то живёт человек, который сию минуту разрывает философскую ткань. Очень интерес-

ная философия развивается в Испании и в Латинской Америке. Явного лидера и оп-ределённого мэйнстрима сейчас нет. Это совершенно нормальная ситуация для той эпохи, в которую живёт поколение эклектиков.

Что вы можете сказать о происходящем в философской ойкумене — в Азии, Африке, то есть в тех странах, которые мы привыкли считать «философской пустыней»?

К сожалению, я плохо знаю о том, что происходит в Африке и в Азии. Могу сказать, что нормальная философская жизнь (быть может, в школьном её варианте) происходит в ЮАР. Что же касается Азии, то не вызывает сомнений, что одним из центров серьёзной философской мысли вскоре станет Китай. В Китае проще воссоздать традицию, чем в России, потому что там только одно поколение оказалось под прессингом «культурной революции». Сложность восприятия нами современной восточной мысли обусловлена тем, что она функционирует на двух уровнях. Первый — восточная традиция для западного пользователя; второй, более серьёзный, — для собственного пользования. Когда восточные авторы философствуют, не помня о том, что их будут читать западные авторы, они философствуют совсем по-другому.

Но что лее всё-таки происходит в Китае. Мы помним, как правило, лишь о древних традициях — конфуцианстве, даосизме и т.п., а между тем в Китае давным-давно проникли феноменология, герменевтика и прочие западные учения.

Всё это как раз и рассматривается сквозь призму старых традиций — даосской, буддийской, отчасти конфуцианской.

И кто кого переваривает?

Они нас.

Так и должно быть во всякой здоровой культуре. А какая философия преобладает в ЮАР? Речь идёт о белой философии?

Да, о белой. Насколько мне известно, типологически эта философия близка к английской аналитической традиции. Кроме того, я знаю нескольких исследователей истории платонизма. Там тоже исследуют платонизм, причём почему-то в основном потомки буров, а не потомки англичан.

А что происходит у нас? Россия остаётся «философской пустыней»?

Отнюдь. Меня поражает, как философы порой начинают кокетничать и говорить: «Ну какая у нас философия!? Нет у нас философии». Но ведь у нас есть очень яркие фигуры, например, С.С. Аверинцев. Это как раз философ в самом верном смысле этого слова. Или М.К. Мамардашвили. Из современных российских философов я бы назвал Пятигорского, Ахутина, Подорогу, Секацкого.

Но не проигрываем ли мы, например, французам, в яркости? Взгляните на любого из известных нам постструктуралистов: Бодрийяр, Делез, Деррида — какие индивидуальности!

На мой взгляд, философ не обязан выделяться своей физиономией среди всех остальных. Ведь очень часто встречается индивидуальность ради яркости. В Герма-

нии, например, значительно меньше ярких фигур, чем во Франции, но это не значит, что в Германии нет философии.

Вне всякого сомнения, в России есть философия и есть философы. Наша проблема в другом: у нас на протяжении столетия несколько раз меняется парадигма как образования, так и философствования. На «философском пароходе» отправили всю старую философскую традицию, в начале 1990-х гг. разрушили ту традицию, что пробила сквозь асфальт к этому времени, происходит полная депривация сознания. Сейчас мы находимся в ситуации поиска. Сказать, что философии нет, нельзя.

И во всяком случае, она будет, если хоть как-то стабилизируется наше общество.

Совершенно верно.

Пока лее, как мне кажется, у нас есть очень яркие личности, но нет ярких концепций.

Если вы имеете ввиду современное поколение, я с вами соглашусь. У нас нет навыка самостоятельного мышления. У отдельных людей в 1970-х гг. он выработался — Аверинцев, Мамардашвили, Пятигорский, Лотман. Потом всё это смыло волной. Люди, конечно, остались, и ещё в 1990-е они продолжали думать, говорить и печататься. А вот у молодого поколения этого нет. Должно пройти время, нам нужно просто переболеть этим. Маятник истории — это механический процесс.

Что привлекает Вас в последнее время? Какая книга или концептуальный ход произвели на Вас впечатление за последние годы?

Мне очень любопытна этика А. Бадью. Очень интересный автор Кристиан Вульф, книгу которого по антропологии мы только что выпустили. Но такого переворота, как при знакомстве с постструктуралистами или, ещё раньше, с Хайдеггером, за последние два-три года со мной не происходило.

Нельзя обойти проклятый вопрос: что делать? Что делать нам, философам, сегодня?

А разве у нас есть варианты? Мы должны заниматься философией. Не выдумывать оригинальное и, самое главное, не думать о том, как на тебя посмотрит окружающее тебя профессиональное сообщество. Философия — не культура стыда, но культура совести. Не идти туда, куда тебя несёт, но всякий раз говорить искренне.

Вы говорили о западной эклектике, а вот у нас, как мне кажется, философское сообщество разделено на какие-то замкнутые касты. Есть люди, которые занимаются историей философии; при этом они, как правило, брезгуют философской антропологией. Есть антропологи, многие из которых считают занятия историей философии пустой тратой времени. Можно ли найти какой-то компромисс?

К сожалению, такие явления имеют место. Понятно, как исторически сложилась эта ситуация: историки философии чувствовали своё превосходство над истматчиками и диаматчиками. Я помню колоссальный всплеск интереса к истории философии в начале 1990-х годов. Потом антропологи почитали западных авторов и двинулись в своём направлении. Так возникли касты. Собрать всех вместе и чему-то научить никак не полу-

чится. Просто должны появиться какие-то работы по истории философии с антропологической точки зрения, и наоборот. Когда это произойдёт, философы станут встречаться не только в университетских коридорах, но и внутри своей научной дисциплины.

Пока этого не происходит. Если мы обратимся к западной антропологии, мы увидим определённый стиль работы: Лакан работает с душевнобольными, Леви-Строс едет в джунгли Амазонки изучать первобытные племена... Я недавно читал статью некоего француза, который, изрядно набравшись в нормандском кабаке, смотрит, как местные подростки пляшут фарандолу под панк-рок, а потом пишет интереснейшую работу о трансформации традиционной культуры. Несомненно, всё это антропология, и заниматься этим необходимо. А русский антрополог в лучшем случае отправляется в библиотеку, а потом рассказывает нам, чем занимаются западные антропологи.

Я с вами согласен, это беда. Совсем не обязательно считать всех антропологов бездарностями, но многие из них не реализовали себя. Антропология — это не история антропологических воззрений. Для того чтобы стать антропологом, нужно очень постараться, поработать в той сфере реальности, которая для тебя наиболее значима. Но ведь нельзя же всех отправить в тюрьмы или какие-то подобные заведения. Кроме того, всякое исследование требует методики исследования. Ведь ваш француз наверняка набирается каким-нибудь нормандским кальвадо — ведь надо знать, чем набираться, чтобы смотреть на танцы под панк-рок. Так и Леви-Строс знал, о чём спрашивать и на что смотреть. Пока не будет разработана методология, у нас не будет реальной антропологии.

Та же беда у нас и с социальной философией. Это какой-то отголосок истмата и не более.

Да, к сожалению у нас существует большой разрыв между социологией и социальной философией. Социология занимается реальными проблемами современности, но социальная философия зачастую от неё весьма далека.

Что же касается истории философии, здесь мы опять-таки сталкиваемся с местечковостью. Есть люди, которые признают только немецкую классическую философию или, напротив, адепты аналитической философии, которые знать не желают постмодерн или диалектику. Могут ли они найти общий язык.

На Западе похожая ситуация. Тот, кто излагает историю философии в учебном курсе, — как правило, не философ, а историк. Поэтому он и может выказывать те или иные предпочтения. На Западе очень развита узкая специализация. И студенты слушают лекцию по Платону, а потом отправятся на лекцию по Дунсу Скоту, которые читают узкие специалисты. Они прекрасно разбираются в своём материале, и их узкая специализация оправданна. А наши философы не читают то, что выходит за рамки их научных интересов... Ну, что ж поделать, не читают.

Действительно, с этим бороться невозможно. И последний вопрос: мне кажется, в нашей историко-философской традиции есть ещё одно гетто — русская религиозная философия. Здесь зачастую историко-философская работа подменяется реконструкцией каких-то неоплатонических построений (если они есть, конечно), или же ударяются в какие-то безответственные спекуляции по поводу национальной самобытности. Но тяжелее всего те, кто пытается вписать всю русскую религиоз-

ную философию в православную традицию. Как может историк философии сочетать свои религиозные убеждения с философией, которая от этого всегда ускользает?

Давайте всё-таки разведём кое-какие вещи. Владимир Соловьёв был православным.

Ходили слухи о том, что в самом конце жизни он обратился в католицизм.

Вы ещё скажите, что он был гностиком.

Конечно, был.

Какие критерии мы используем, говоря о том, принадлежал или не принадлежал тот или иной философ к той или иной религиозной конфессии? Были ли Кант протестантом?

Весьма специфическим.

Как и Гегель. Так и Соловьёв был специфическим православным, во всяком случае, в какой-то период своей жизни. Так же и братья Трубецкие — яркие и самобытные философы. Можно назвать и другие имена — Бердяев, Шпет... Если под православным человеком понимать того, кто на сто процентов воцерковлён, то, конечно же, ни один из таких людей философом не является.

Для такого человека философия закрыта.

Во всяком случае, она может быть предметом интереса, но о философствовании речи не идёт. Хотя не стоит забывать о том, что одна из самых замечательных дореволюционных российских гуманитарных школ — это церковно-историческая школа: Болотов, Лебедев и другие. Это очень интересные, мыслящие историки, и близость к Церкви им никак не мешала. Напротив, во многих взглядах на историю Церкви или догматики они были весьма неортодоксальны. На мой взгляд, религиозные взгляды человека и его занятия философией вполне могут сочетаться. Вопрос совсем в другом: Церковь будет смотреть косо на его философию. Личный выбор остаётся за человеком. Когда всю философию превращают в православие, от философии ничего не остаётся. И, по правде говоря, православие от этого только хуже.

Это достаточно частый случай.

Да, я согласен, однако я не назвал бы это «гетто». Есть много замечательных историков русской философии.

Безусловно. Но я говорю не о них.

Конечно, утверждения типа «самые большие слоны были в России» нелепы. Я согласен с тем, что клановость есть, но она связана не столько с изучением истории философии, сколько с тем, что речь идёт именно об отечественной философии. Естественно, здесь ищут национальную идею или её отражение. Это становится сверхзадачей. Отсюда определённая замкнутость, которая будет сопутствовать нам до тех пор, пока не мы не решим, что нашли какую-то национальную идею. Тогда мы наконец обратимся к своему предмету.

Беседу провел А.В. Дьяков